На правах рукописи

МАСЛОВА Светлана Валериевна

МИФОРАЗРУШИТЕЛЬНАЯ И МИФОСОЗИДАТЕЛЬНАЯ ТЕНДЕНЦИИ В СОВРЕМЕННОЙ КУЛЬТУРЕ

Специальность 24.00.01 – Теория и история культуры

АВТОРЕФЕРАТ
диссертации на соискание ученой степени
кандидата философских наук

Томск – 2007

Работа выполнена на кафедре теории и истории культуры ГОУ ВПО «Томский государственный университет»

Научный руководитель: доктор философских наук, профессор Петров Юрий Владимирович

Официальные оппоненты: доктор философских наук, профессор Бажутина Татьяна Олимповна, ГОУ ВПО «Новосибирский государственный медицинский университет», кафедра философии

кандидат философских наук Сохань Ирина Владимировна, ГОУ ВПО «Томский государственный университет», кафедра этики и эстетики

Ведущая организация ГОУ ВПО «Кемеровский государственный университет культуры»

Защита состоится 8 ноября 2007 в 16 час. 30 мин. года на заседании диссертационного совета Д 212.267.17 при ГОУ ВПО «Томский государственный университет» по адресу: 634050, г. Томск, просп. Ленина, 36, ТГУ, Главный корпус, ауд. 318.

С диссертацией можно ознакомиться в Научной библиотеке Томского государственного университета

Автореферат разослан 7 октября 2007г.

Ученый секретарь
Диссертационного совета Д 212.267.17
Кандидат философских наук, доцент Буденкова В.Е.

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность диссертационного исследования. Современная культура отражает процессы и изменения, происходящие в обществе и в человеческом сознании. Изменения в сознании людей связаны с процессом индустриализации XIX-XX вв. и переходом к постиндустриальному обществу в XXI веке. Эти изменения выражаются в процессах массовизации и ремифологизации в культуре, что позволяет говорить об актуальности исследования специфики мифа в современном сознании.

Современная культурная ситуация характеризуется как ситуация постмодерна, выражающая ментальную специфику современной эпохи в целом. Постмодернизм как концепция не является монолитной, внутренне непротиворечивой системой, унифицированной по своим основаниям, методам и целям; она характеризуется не только атрибутивной, но и программной плюральностью, которая воплощает себя в широком спектре проектов. Вместе с тем, к настоящему времени утвердилась точка зрения, согласно которой постмодернизм - эпоха не столько в развитии социальной реальности, сколько сознания. Появляется совершенно новое восприятие реальности как хаоса, получившее название постмодернистской чувствительности, и, соответственно, возникают новые схемы организации и оперирования ею.

Ситуация постмодерна характеризуется переходом к новому типу рациональности, понимаемой в широком смысле как общая стилистика мышления. Появление развитых систем рационально-понятийного знания вообще не приводит к одновременному полному вытеснению из духовной жизни общества элементов мифологического сознания, которое постоянно воспроизводится на уровне спонтанного житейского опыта и в ситуациях, связанных с необходимостью коллективного социального действия. Миф активизируется там, где рационалистическое миропонимание либо не занимает господствующего положения, либо по каким-то причинам его теряет. В динамике культуры подобные ситуации связаны с глобальными процессами, лишающими однозначности прежнюю систему ценностей, что мы и наблюдаем в культуре постмодерна. Переход к рациональности постмодерна в общественном сознании вызывает компенсаторную реакцию в коллективном бессознательном, что выражается в усилении массового сознания как активного потребителя мифов. С другой стороны, как реакция на ремифологизацию в массовой культуре, появляется и противоположная тенденция – разрушение мифа.

Актуальность настоящего исследования определяется ситуацией усиления мифологического мышления в современной культуре, что позволяет говорить о ремифологизации, проявляющей себя в феномене массовой культуры. Одновременно существуют культурные артефакты, выпадающие из этой тенденции, и в то же время не укладывающиеся в представления об элитарном мифотворчестве. Если тенденция к усилению мифа в массовой культуре получила свое отражение в современных философско-культурологических, а

также социологических трудах, то тенденция к разрушению мифа практически не рассматривалась.

Степень разработанности темы. Литература, посвященная мифологии и различным формам мифологического сознания весьма обширна. Различные отрасли гуманитарного знания в той или иной степени обращаются мифологической проблематике и связанными с ней феноменами социальной жизни и коллективного сознания. Различные аспекты данной проблемы разрабатывались как представителями западной философско-культурологической традиции, так и отечественной. Однако отсутствуют специальные работы, посвященные анализу особенностей функционирования мифа в современной культуре, которые проявляют себя как наличие двух противоположных тенденций: актуализация мифотворческих механизмов и, одновременно, разрушение мифа.

Исходя из того, что мифичность является неотъемлемой характеристикой сознания, как коллективного, так и индивидуального, необходимо рассмотреть массовое сознание как обладающее этим свойством в высокой степени. Эта высокая степень мифичности массового сознания породила такой феномен современной социальной реальности как массовая культура, в которой мифосозидательные механизмы особенно сильны. Изучение проблемы массового сознания имеет глубокие корни в философской, социологической, психологической традиции. Понятия «толпы» и «массы» рассматривались в трудах Г. Блуммера, Э. Канетти, Г. Лебона, С. Московичи, Х. Ортеги-и-Гассета, Г. Тарда, И. Тэна, З. Фрейда, К.Г. Юнга, К. Ясперса, а также Б.А. Грушина, Д.В. Ольшанского и др. Указанные авторы описывали свойства массового сознания и пытались объяснить его происхождение. Проблема происхождения и развития массового сознания, а также его связи с коллективным бессознательным наиболее подробно исследовались в трудах К.Г. Юнга и Э. Нойманна. Они характеризовали массовое сознание как регрессивную форму коллективного сознания, опирающуюся на бессознательные архетипические структуры.

Характеристики массового сознания, роднящие его с мифологическим сознанием и обеспечивающие его высокую восприимчивость к архетипическим структурам, формирующим мифы, рассматриваются в трудах Н.С. Автономовой, Р. Гвардини, Б.А. Грушина, Е.М. Мелетинского.

Структурные характеристики мифа: архетипический сюжет и структура под различными углами зрения рассматриваются в трудах К. Леви-Стросса, Э. Кассирера, М. Элиаде, У. Эко, К.Г. Юнга. При выделении устойчивых элементов мифа авторы используют различные термины, которые, в сущности, имеют много общего и не противоречат друг другу, что позволяет сформировать понятия «архетипическая структура» и «архетипический сюжет» и отделить их друг от друга.

Если юнгианский психоанализ конституирует архетипы как наследственные бессознательные структуры, организующие человеческое мышление и поведение, то рациональность является специфическим способом организации опыта, характерным для сознания. Различным трактовкам понятия

рациональности, ее типологизации и исследования причин и проявлений ее кризисного состояния в современной культуре посвящены работы Н.С. Автономовой, М. Вебера, П.П. Гайденко, В.А. Лекторского, М.К. Мамардашвили, Н.С. Мудрагея, Е.П. Никитина, Г.И. Петровой, М.А. Розова, Ю. Хабермаса, В.С. Швырева.

Характеристики массовой культуры описываются в трудах Р.Барта, А.В. Захарова, Н.Б. Маньковской, Л.А. Орнатской, Х. Ортеги-и-Гассета, А. Тоффлера, У. Эко. Связывая существование массовой культуры с процессами индустриализации, с формированием постиндустриального общества и культуры постмодерна, они не анализируют ее мифологические основания.

Отсутствуют значительные труды, посвященные исследованию тенденции к разрушению мифа, существующей в современной культуре. Можно отметить только упоминания о ее существовании в трудах Е.М. Мелетинского, не содержащие анализа и подробного рассмотрения.

Проблема диссертационного исследования определяется тем, что впервые именно в культуре постмодерна стали разрушаться структурные основы мифа. В современной культуре формируются две противоположные тенденции – усиление влияния мифообразующих архетипических структур и их разрушение, что проявляется в феноменах массовой и элитарной культуры. Проблема формулируется как выявление взаимосвязи между рациональным и мифическим способами организации опыта, порождающей патологический разрыв между крайностями массовой и элитарной постмодернистской культуры, что свидетельствует о культурном кризисе.

Объектом данного исследования является функционирование мифа в современной элитарной и массовой культуре.

Предметом исследования является влияние рациональности постмодерна на мифотворчество в современной элитарной и массовой культуре.

Цель исследования – выявить противоречивые тенденции (мифоразрушительную и мифосозидательную) в современной культуре, и обосновать их связь с существенными характеристиками рациональности постмодерна.

Из поставленной цели с необходимостью вытекают следующие **задачи:**

1. Доказать, что мифичность является одним из существенных свойств массового сознания и показать специфику ее проявления в нем.
2. Проанализировать структурные характеристики мифа с целью их последующего выявления в современной массовой культуре.
3. Определить особенности рациональности постмодерна и ее влияние на коллективное бессознательное.
4. Показать специфику функционирования мифа в современной культуре в контексте перехода к рациональности постмодерна и доказать наличие мифосозидательной и мифоразрушительной тенденций.
5. Аргументировать наличие мифосозидательной и мифоразрушительной тенденций через анализ произведений художественной литературы XX века.

Научная новизна связана с тем, что в работе:

- Доказано, что мифичность как существенное свойство массового сознания проявляет себя в процессе взаимодействия содержаний сознания и архетипических структур бессознательного и становится возможной только в единстве их взаимодействия. Характерные черты архаичного мифологического сознания трансформируются в массовом сознании и приобретают свою специфику: эмоционально насыщенные образы архаичного мифа становятся стереотипами массового мышления и восприятия; неприятие Хаоса превращается в агрессивную реакцию на все, что не вписывается в существующий или желательный порядок; антропоморфизм трансформируется в потребность в меняющихся кумирах и вождях; на уровне деятельности мифичность проявляется в тяготении к ритуалу.
- Выявлены структурные характеристики мифа: «архетипическая структура» (код, содержащий правила организации сюжета) и «архетипический сюжет» (наиболее общий образ, являющийся инвариантом конкретных мифологических повествований), а также отношение между ними. Архетипический сюжет является первым отражением архетипической структуры на материале нашего бытия и , в отличие от формальной структуры, носит содержательный характер.
- Доказано, что такие характеристики рациональности постмодерна, организующей опыт в сознании, как плюрализм, релятивизм, отказ от построения устойчивых структур, вызывают компенсаторную реакцию бессознательного, выражающуюся в усилении мифосозидающих механизмов. Функционально связь сознания и бессознательного носит компенсаторный характер: если в сознании ослабевают механизмы, упорядочивающие опыт (рациональность), то усиливаются бессознательные механизмы упорядочивания (архетипические структуры мифа).
- Обосновано наличие мифоразрушительной тенденции в современной культуре как проявление постмодернистской чувствительности с одной стороны, и реакция на экспансию массовой культуры, с другой стороны.

Теоретические и методологические основания исследования

Теоретической основой диссертационного исследования являются результаты общегуманитарной мысли, такие как структурализм, постструктурализм, психоанализ, связанные с раскрытием сущностных основ мифа, различных форм коллективного сознания, рациональности и их места в культуре. Методологическая база предпринятого исследования сложилась из:

- комплексного подхода как средства методологического фундирования мифосозидательной и мифоразрушительной тенденций в современной культуре;
- метода сравнительного анализа, смысл которого обнаруживается в поиске общего в различных подходах к исследованию массового и элитарного сознания, структуры и архетипа, типов рациональности, явлений массовой и элитарной культуры;

- исторического метода, применяемого в осмыслении изменения места рациональности в коллективном и индивидуальном сознании при переходе к культуре постмодерна;
- психоаналитического метода в юнгианской трактовке применительно к анализу отношения между сознанием и бессознательным, мифом и рациональностью, а также элитарной и массовой культурой;
- анализа литературных источников, иллюстрирующих мифосозидательную и мифоразрушительную тенденции.

В качестве содержательных элементов исследования, иллюстрирующих усиление и разрушение мифа в культуре постмодерна, используются произведения английской и американской литературы XX века следующих авторов, относящихся к массовой литературе: Б. Картленд, Э. Маккинли, Дж. Х. Чейза, а также представителей элитарной постмодернистской литературы: Д. Барнса, Д. Барта, Дж. Фаулза

Основные положения, выносимые на защиту:

- В современной культуре, определяемой как культура постмодерна, существуют две противоположные тенденции: мифоразрушительная и мифосозидательная, проявляющиеся, соответственно, в элитарной и массовой культуре.
- Эти тенденции порождаются компенсаторным характером отношения между сознанием и бессознательным, с характерными для них способами организации опыта (рациональность в сознании и миф в бессознательном).
- Возникновение мифоразрушительной и мифосозидательной тенденций обусловлено формированием рациональности постмодерна, оперирующей с миром как хаосом.

Теоретическая и практическая значимость исследования

Теоретическая значимость исследования определяется степенью заявленной выше новизны. Поднятая в диссертации тема принадлежит к области фундаментальных интересов культурологии. Рассматриваются общие тенденции развития культуры в связи с процессами взаимодействия коллективного сознания и бессознательного. Дается обоснование кризиса современной европейской культуры, определяемой как культура постмодерна, через анализ функционирования современного мифа.

Практическая значимость исследования определяется тем, что полученные результаты могут служить базой для культурологического исследования явлений массовой и элитарной культуры, интерпретации культурных текстов. Некоторые результаты диссертации могут использоваться для научно-методических разработок преподавания отдельных разделов гуманитарных дисциплин, лекций, посвященных проблемам современной культуры, эстетики, социальной психологии

Апробация работы. Положения и результаты исследования излагались и обсуждались на методологическом семинаре кафедры социологии, психологии и права ТПУ в феврале 2006г., на научных конференциях и семинарах: на

Всероссийской конференции «Культура как способ бытия человека в мире» (Томск, 2002), на Международной конференции «Актуальные проблемы гуманитарных наук» (Томск, 2004), на научной сессии «Невские чтения» (Санкт-Петербург, 2006, 2007), на VII Всероссийском семинаре молодых ученых «Дефиниции культуры» (Томск, 2006).

Структура работы подчинена целям и задачам исследования, последовательное решение которых отражено во введении, двух главах (шести параграфах), заключении и списке литературы.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **введении** обосновывается актуальность темы исследования, формулируется цель, задачи и гипотеза исследования, определяются объект и предмет исследования, характеризуется практическая значимость работы и ее научная новизна, излагаются основные положения, выносимые на защиту.

В **первой главе «Миф и рациональность как способы организации коллективного и индивидуального опыта»** проведен анализ массового сознания, выявляется мифичность как одно из существенных его свойств, обеспечивающее восприимчивость к архетипическим структурам, рассматриваются сами архетипические структуры, являющиеся основой для производства мифов в массовой культуре. Также рассматривается понятие рациональности в узком и широком смысле и выявляются характеристики рациональности постмодерна, вызывающие в культуре двоякого рода изменения: экспансию массовой культуры, основанной на архетипических структурах и воспроизводящей архетипические сюжеты и разрушение архетипических структур и сюжетов в элитарной культуре.

В первом параграфе «Мифичность как основная характеристика массового сознания» рассматриваются различные подходы к определению мифа. В отечественной и зарубежной литературе существуют разнообразные трактовки мифа. Поскольку все эти трактовки являются взаимодополняющими, то в целях нашего исследования мы будем понимать миф как форму индивидуального и коллективного сознания. Миф является одним из древнейших способов организации и трансляции социального опыта, но сохраняет свое значение в этом качестве и по сей день, несмотря на то, что появились и другие способы, структурирующие наше мышление о мире, в частности, рациональность. Очевидно, способность к мифологическому мышлению, осмыслению социального и индивидуального опыта присуща человеческому сознанию. Перед нами встает необходимость определения понятия «мифичности» как свойства сознания человека. Разночтения встречаются даже при обозначении понятия. В литературе используются термины мифичность сознания (Р.А. Мигуренко), мифологичность сознания (Н.С. Автономова), миф (А.Ф. Лосев), мифосознание (Ю.С. Осаченко), мифическое сознание (А.Ф. Лосев), мифологическое мышление (Э. Кассирер), которые во многом пересекаются.

Мифосознание не является какой-то особой, изолированной формой сознания, функционирующей независимо от других его форм (религиозного, научного, обыденного и т. д.). Поэтому имеет смысл говорить не столько о мифосознании как особой форме сознания, сколько о мифичности как свойстве сознания, проявляющей себя в самых различных сферах жизни человека. Таким образом, мы будем понимать мифичность как свойство, присущее сознанию и бессознательному как слоям человеческой психики, которое проявляется только в единстве их взаимодействия. Это взаимодействие заключается в специфическом способе организации содержаний сознания через архетипические структуры, содержащиеся в бессознательном. Однако обнаружить мифичность мы можем только в сознании, поскольку содержание бессознательного от нас скрыто, и мы можем догадываться о нем, только анализируя содержание сознания. Поэтому в дальнейшем мы будем говорить о мифичности сознания, не забывая о том, что корни этой мифичности находятся в глубинах бессознательной психики, и сама мифичность становится возможной только через единство сознания и бессознательного.

Степень проявления мифичности может быть различной, но наивысших пределов достигает на уровне массового сознания. Феномен массового сознания активно изучается в философии с конца XIX века и по сегодняшний день. Понятия «масса» и «толпа» во многих трудах употребляются как синонимы. Возникает необходимость разведения понятий «толпы» и «массы», и, соответственно, понятий «человек толпы» и «человек массы» («массовый человек») и установить соотношение между ними.

Проанализировав понятие массы и массового сознания, а также понятия человека толпы и человека массы, мы будем понимать массовое сознание как один из слоев коллективного сознания, являющийся фрагментом бессознательной коллективной психики человека, который влияет на его восприятие и поведение, наделяя личность в той или иной мере определенными качествами, такими как анонимность, фрагментарность содержания сознания, посредственность в интеллектуальном и духовном плане, нетребовательность к себе, агрессивность по отношению ко всему, что от него отличается, склонность к стереотипному мышлению. В определенных условиях массовое сознание становится преобладающим в психике индивида, и такого индивида мы можем называть массовым человеком. Человек массы в толпе приобретает новые качества в добавление к уже указанным, такие, как повышенная аффективность, восприимчивость к состоянию находящихся рядом людей (феномен заражения), и становится человеком толпы.

Для понимания функционирования массового сознания следует отметить, что сознание и бессознательное связаны между собой как содержательно, так и функционально. С одной стороны, происходит постоянное перемещение содержаний сознания в бессознательное и наоборот, с последующей их обработкой теми способами, которые характерны для каждой из этих систем. С другой стороны, связь их носит компенсаторный характер, поэтому бессознательно человек стремится противостоять хаосу, который угрожает сознанию (избыток информации, культурный релятивизм, тенденции

плюрализма в социальных нормах, науке, искусстве, моде). Противоречие между сознанием и бессознательным (динамическое равновесие в норме и разрыв в патологии, который приводит к появлению массового человека) отражается и в культуре, которая в течение последнего века породила как явления массовизации, так и явную элитарность философии и искусства постмодерна. Массовое сознание является активным потребителем разного рода мифов: социальных, политических, научных, эстетических и др., бессознательно структурируя при помощи архетипов все, что для поверхностного взгляда массового человека предстает как хаос, отсутствие порядка и смысла. Мы предполагаем, что именно в массовом сознании свойство мифичности проявляет себя в максимальной степени. Свойство мифичности согласуется с другими характеристиками массового сознания: посредственность, заурядность, нетребовательность к себе, самодовольство, неспособность к творчеству, агрессивность по отношению ко всему выделяющемуся, непохожему на него. Агрессивная реакция массового сознания на все, что отличается от привычных стереотипов выражает, в конечном счете неприятие хаоса, что является стержнем мифического мышления. Как хаос подсознательно воспринимается все, что не вписывается в существующий либо желательный порядок вещей. На уровне деятельности мифичность массового сознания проявляется в тяготении к ритуалу. Таким образом, мы видим, что мифичность проявляется в массовом сознании в высокой степени. Разумеется, элитарное сознание (в том смысле, который вкладывает в это понятие Х. Ортега-и-Гассет, иначе: научное, эстетическое и др.), будучи сознанием, также обладает свойством мифичности, хотя и в меньшей степени. Качественное различие заключается в том, что интеллектуальная элита творит мифы, прозревает их, масса же только потребляет готовые.

Во втором параграфе «Архетипическая структура и архетипический сюжет мифа» анализируются архетипические структуры и сюжеты как основа мифосознания и мифологического мышления. Мифичность сознания проявляет себя в восприятии реальности через устойчивые структуры, которые порождают мифы и стереотипы. При выделении устойчивых элементов мифа в литературе чаще всего используются термины архетип (К.Г. Юнг) и структура (К. Леви-Стросс, У. Эко). Однако встречаются также термины форма (Э. Кассирер) и модель, образец (М. Элиаде).

В сущности, все эти термины имеют много общего, различные исследователи делают упор на различные аспекты этих устойчивых элементов, в соответствии с той философской концепцией, которую они разрабатывали и в целом не противоречат друг другу.

Можно увидеть, что в отношении сущности структуры мифа и ее функции в культуре у различных авторов не существует явных разногласий, как бы они эту структуру не называли. Разногласия существуют по вопросу происхождения структуры – заложена ли она в мире (как его «разумность»? - К. Леви-Стросс), или ее источником является сам человек (его бессознательное у К.Г. Юнга или целенаправленные действия у У. Эко). Но в том, что основное

назначение структур – это организация нашего опыта (создание порядка из хаоса), сходятся все исследователи.

Проанализировав понимание мифа и структуры у вышеуказанных авторов, следует конкретизировать понятия «архетипическая структура» и «архетипический сюжет» и указать различие между ними, поскольку в литературе они иногда встречаются как синонимы, в частности, у М. Элиаде.

Архетипическую структуру мы будем понимать как код, те есть модель, которая содержит правила для формирования опыта индивида или коллективного опыта социальной общности. Архетипические структуры выполняют важную функцию – они структурируют наш опыт, придают определенную форму тому, что мы определяем как реальность, будь то реальность литературного произведения или повседневной жизни. Но структура не может быть описана сама по себе, она подобна «осям кристалла» (это формальный аспект юнгианского архетипа), которые организуют кристалл, но сами не видны. Поэтому мы не можем описать структуру непосредственно, можем только заметить ее присутствие как закономерность, связи, которые начинают просматриваться при повторении каких-то ситуаций. Первым отражением структур на материале нашего бытия являются архетипические сюжеты.

Архетипическим сюжетом мы будем называть образы и их взаимодействия, являющиеся инвариантами конкретных мифологических сюжетов. Если структура формальна (даже язык слишком содержателен для ее адекватного описания), то архетипический сюжет содержателен и может быть описан при исследовании конкретных мифов. Правда, поскольку это первое отражение структуры, то он несет в себе явный отпечаток ее формальности и потому содержательно довольно беден. Часто это только название, Имя, которое указывает на (или скрывает в себе) образ, например, Герой, Путешествие Героя, Сотворение Мира, Конец Мира и т. д. Архетипическая структура первична по отношению к сюжету, она формирует сюжет, соединяясь с бытием индивида или общности. Соответственно, архетипические сюжеты формируют все пространство мифов конкретных народов. В результате мы получаем конкретные мифы, эпические повествования, сказки, представления о жизни разных народов. Таким образом, понятие архетипического сюжета сходно с понятием архетипа К.Г. Юнга

Трансляция архетипических сюжетов и стоящих за ними структур происходит социальным путем, мы неосознанно усваиваем их в раннем детстве.

В третьем параграфе «Влияние рациональности на бессознательное» анализируется рациональность как способ организации опыта, рассматриваются типология рациональности, выводятся характеристики рациональности постмодерна и ее влияние на бессознательные структуры психики.

Архетипические структуры, существующие в нашем бессознательном, и основанные на них архетипические сюжеты являются одним из способов упорядочения мира, а именно, способом, характерным для бессознательного.

Однако наше сознание обладает собственными механизмами упорядочения опыта, отличными от рассмотренных ранее. Таким механизмом, целиком, лежащим в сфере сознания, является рациональность.

Рациональность – понятие классической рационалистической философии, выражающее способность мышления создавать особый мир идеальных объектов и превращать его в предмет деятельности, руководствуясь принципом тождества мышления и бытия. Прежде всего это касается научной рациональности. Рациональность в широком смысле понимается как общая ориентация и стилистика мышления, рациональное – относящееся к разуму, и прежде всего к разуму познающему мир посредством логического мышления. В нашем исследовании нам необходимо рассмотреть рациональность как в широком смысле, так и в узком, поскольку рациональность в широком смысле определяет не только научную рациональность, но и глубоко укоренена в обыденном мышлении как здравый смысл. Во-первых, рациональность выступает системой упорядочивающих действительность принципов, форм, действующих в сфере рефлексивного сознания, то есть сознание определенным образом конструирует действительность. Во-вторых, все концепции рациональности предполагают познаваемость мира, предлагая различные средства для повышения степени адекватности нашего знания окружающему миру.

Принципы рациональности, сформировавшиеся в философии и естественных науках в эпоху Просвещения, начали пересматриваться в конце XIX – начале XX века в связи с развитием научного знания, когда эти принципы оказались недостаточными, и пришлось вносить коррективы в классическое понимание рациональности. Появились идеи о существовании различных типов рациональности, применение которых ограничивается какими-либо областями знания или периодами его развития.

На сегодняшний день классификация типов рациональности разнообразна. Нас интересует классификация по сферам ее приложения: рациональность научная, рациональность мифа как способа освоения мира. В рамках научной рациональности можно выделить классическую, неклассическую и постнеклассическую рациональность и рациональность постмодерна. Рациональность постмодерна восходит к неклассическому типу философствования, в частности, к структурализму и постструктурализму, психоанализу, феноменологии, семиотике и структурной лингвистике. Для постмодернизма характерно отношение к миру не как к объекту познания, а как к объекту осознания, результаты которого фиксируются в письменных формах. Если рассматривать проблему рациональности как некоторый момент проблемы познаваемости мира, то можно увидеть, что философия постмодерна практически отрицает познаваемость мира, а скорее просто вообще эту проблему не ставит. Рациональность познания проявляется в формулировании, обнаружении закона как всеобщей, необходимой закономерности, но теории постмодерна признают за законом вероятностный характер. М.К. Мамардашвили отмечает, что на смену научному детерминизму пришла эпистемологическая неуверенность. Специфическая форма

постмодернистского мироощущения получила название постмодернистской чувствительности – установки на восприятие мира в качестве хаоса. Фундаментальной предпосылкой интерпретации мира выступает для постмодернизма отказ от идеи целостности, иерархической структурности, центрированной и гармоничной упорядоченности мира. Поэтому мир выступает как текст, текст же не обладает единым принципом структурности, значение его определяется контекстом, оно бесконечно изменчиво.

В культуре постмодерна любая попытка сконструировать модель мира бессмысленна. В наши дни роль связующего звена между различными аспектами сознания, приведения их к целостности берет на себя обыденное сознание с его систематичностью особого рода, которая основана на взаимоупорядочении «вторичных» рационализаций, скрывающих иллюзорные образования сознания (М.К Мамардашвили). Когда сознание перестает выполнять функцию упорядочивания своими средствами, то бессознательное по своему компенсирует этот провал, что выражается в усилении мифичности сознания. Миф возникает из стремления найти твердые основы бытия, а также рецепты практических действий в этом мире.

В четвертом параграфе «Функционирование мифа в современной культуре» анализируются характеристики культуры постмодерна на основе трудов Л.Г. Ионина, Ж. Липовецки, А. Моля, Г.И. Петровой, Н.А. Хренова, обосновывается выделение элитарной и массовой культуры, делается вывод о существовании в современной культуре двух противоположных тенденций – мифоразрушительной и мифосозидательной, проявляющихся в элитарной и массовой культуре, соответственно.

Появление рациональности постмодерна в общественном сознании в XX веке вызвано культурными изменениями, такими, как кризис в сфере науки, искусства, духовной жизни общества, социальное развитие, которое идет по пути глобализации. Если в изолированной культуре, являющейся моностилистической, возможна более или мнение единая стилистика мышления и мировосприятие, основанное на характерном для нее менталитете, то существующий сегодня диалог или, как минимум, соприкосновение культур разрушают это единство. В обществе резко повышается социальная мобильность, лишающая человека корней, связи с семьей, родом. Возрастает поток информации, снижая адаптивные возможности сознательной психики, которая не успевает переработать ее собственными методами. Эту ситуацию А. Тоффлер описал как футурошок, который заставляет человека испытывать избыточную стимуляцию и искать средства защиты. Очевидно, вполне контролировать свою жизнь одними осознанными, рациональными средствами невозможно, к тому же они, эти контролируемые механизмы адаптации, неизбежно будут загромождать сознание, и без того перегруженное потоком перемен.

В такой ситуации усиливаются механизмы адаптации бессознательного, которое находятся в компенсаторном отношении к сознанию. Когда сознание не справляется с функцией упорядочивания опыта, логически возможны два пути: первый - разработка новой рациональности, которая сможет выполнять

эту функцию в изменившихся условиях и второй – сознание может отказаться от этой функции вообще. Если мир представляет собой хаос, лишен разумности, значит нужно воспринимать его как хаос и оперировать с ним, как с хаосом.

В современной культуре реализуются обе эти тенденции. Во втором случае, когда сознание отказывается от упорядочивающей функции, включаются адаптивные механизмы бессознательной коллективной психики. Она реагирует на хаос в сознании усилением упорядочивающих механизмов, характерных именно для нее – через архетипические структуры, составляющие фундамент его содержания, они все многообразие опыта сводят к архетипическим сюжетам. Существующая в мифологическом сознании глобальная оппозиция Хаоса и Космоса отражает множество слоев отношений человека с миром и самим собой. Стремление преодолеть одиночество, раздробленность также является фактором ремифологизации.

Массовое сознание, мифичное по своей природе, в той или иной степени существует в каждом человеке. Сегодня культура столь многообразна, специализирована, что невозможно быть выдающейся личностью во всех ее сферах, даже являясь представителем элиты в том смысле, какой вкладывает в это понятие Х. Ортега-и-Гассет, то есть человеком, творящим культуру. Поэтому в каких-то областях он будет проявлять себя человеком массовым, то есть потребителем культуры, иногда элитарным потребителем, создающим для себя новые смыслы, а иногда потребителем стереотипов, создаваемых массовой культурой, и именно к «массовому человеку» в нем она будет обращаться.

Традиционно существует разделение на массовую и элитарную культуру. Понятие «элитарного» в противовес «массовому» вводится в философский оборот в конце XVIII века, особенно отчетливо проявившись в философии романтиков, хотя само по себе разделение искусства на массовое и элитарное произошли гораздо раньше. Элита и масса различаются функционально – как творцы и потребители культуры, соответственно. Кроме того, оба именно с деятельностью интеллектуальной элиты связывается дальнейшее развитие культуры. Онтологическая картина мифотворческого (а точнее, мифовоспроизводящего и мифовоспринимающего) сознания, его образный строй, как свидетельствуют многочисленные исследования современной «массовой» культуры, достаточно разнообразны, а сам процесс изобретения и распространения мифов имеет благодаря масс-медиа глобальные масштабы. Причем во всех случаях мифотворческого и мифовоспроизводящего мышления воспроизводятся и общие механизмы, и структуры мифа.

Современная элитарная культура развивается в духе постмодерна и отражает тенденции социального развития. Особое восприятие мира – «постмодернистская чувствительность» - восприятие мира как Хаоса, вероятностный характер любого порядка, осознание того, что любой порядок в мир вносит человек, в природе его нет, все это ведет к тому, что в культуре постмодерна появляется тенденция к разрушению мифа как способа упорядочивания мира.

Современная культура, подвергающая сомнению, релятивизирующая

любые механизмы создания порядка, впервые покусилась и на основания мифа. Конечно, мифы разрушались и раньше, но всегда разрушение это происходило только с содержательной стороны. Сохранялась основная функция мифа, новый порядок создавался вместо старого. Теперь же идет покушение на сами архетипические структуры средствами культуры постмодерна – игры, цитатного письма и др., которые создают особую квазиреальность, имитирующую Хаос.

Современная культура, пожалуй, и не ставит перед собой задачу полного разрушения структур, она разрушает миф через творческую рефлексию над ним, выявляя структуры, комбинируя, играя с ними, демонстрируя их условность.

Таким образом, впервые в культуре возникает мифоразрушительная тенденция, разрушаются сами структуры мифов. Эта тенденция возникает, с одной стороны, как сознательная рефлексия над основаниями любого порядка, характерная для культуры постмодерна в целом, что проявляется в кризисе классической рациональности и формировании рациональности постмодерна, в которой порядок носит вероятностный характер. С другой стороны, мифоразрушительная тенденция возникает как компенсаторный ответ на агрессивную экспансию массовой культуры.

Вторая глава «Формы проявления мифосозидательной и мифоразрушительной тенденций в современной культуре» посвящена анализу произведений массовой и элитарной литературы с целью выявления мифосозидательной и мифоразрушительной тенденций и форм их проявления в литературе.

В первом параграфе «Усиление мифа в массовой литературе как проявление мифосозидательной тенденции» конкретизируется понятие «массовая культура», происхождение данного феномена, социальные функции массовой культуры в контексте ее связи с мифом. Массовая культура представляет собой специфическую индустрию, производящую «массового» человека. Массовая культура в современном понимании зарождается в ходе процессов индустриализации и урбанизации, разрушения сословных обществ и трансформации их в национальные, развития технических средств тиражирования и трансляции информации. Она является важнейшим фактором социализации индивида, транслируя ценностные ориентации, поведенческие паттерны, стандарты социальной и культурной адекватности. Современный миф выполняет свою функцию трансляции ценностей через массовую культуру, он утверждает ценности индустриального общества – индивидуализм, стремление к личному счастью, богатству. В качестве предмета для анализа мифосозидательной тенденции использованы произведения массовой литературы следующих авторов: Б. Картленд, Э. Маккинли, Дж. Х. Чейз. Произведения, выступающие эталоном массового искусства, обнаруживают связь с мифологическими, фольклорными построениями, существовавшими задолго до этих процессов. Сюжетные построения по своей структуре восходят к известным архетипам, имеют устойчивые сюжетные клише. Как и фольклор, произведения массовой

литературы продуцируют и репродуцируют стереотипы коллективного сознания и «коллективного бессознательного», сохраняющие черты мифологических представлений.

Рассматриваются жанры, типичные для массовой литературы: женский роман и детектив. Действие женского романа разворачивается вне скучной действительности, в сакральном пространстве, лишенном исторических и социальных связей с реальностью. Женский роман транслирует идеалы, стандарты поведения и переживания, прежде всего, это касается архетипов Мужского и Женского. Мужчина воплощает благородство и силу, он непременно красив (характерное для мифа тождество внешнего и внутреннего). Женщина красива, образованна, стремится к любви и браку, в чем и состоит ее единственное предназначение. Таким образом, мы видим архетип Героя (Героини), который, совершая определенные действия и приобретая определенные качества, обретает себя, свое предназначение и открывает смысл своей жизни. В массовой литературе возможное богатство содержания, наполняющего архетипическую структуру, сведено к простым эмоциям и инстинктам.

Подобный архетип Героя организует и литературный сюжет детектива. Его характеризует физическая сила, умение обращаться с оружием, независимость, которая представлена одиноким образом жизни (независимость от женщины) и маргинальностью (независимость от общества), удачливость (он выкручивается из самых безнадежных ситуаций за счет неожиданной помощи) и обаяние. Таков портрет современного массового Героя, с которым предлагается идентифицировать себя современному мужчине. Здесь эксплуатируются страхи мужчины в современной социальной ситуации с неопределенностью гендерных ролей, тенденцией к партнерским отношениям, сотрудничеству. Если женский роман сосредоточен на переживаниях, то «мужской» роман наполнен действием, его герой практически не думает, что также импонирует не склонному к рефлексии массовому сознанию.

Можно видеть, что в криминально-уголовном романе прослеживаются архетипические структуры, сходные со структурами женского романа. Архетипические сюжеты Героя с атрибутами абсолютной женственности и мужественности, имеющими не столько культурные, сколько животные атрибуты, Путешествия Героя как движение к цели достижения счастья или избежания опасности, осуществляемое через красоту, силу и обязательно удачу, являются характерными для обоих жанров. Кроме, того, в массовой литературе очень важным оказывается архетип небудничной ситуации, которая характеризуется высокой насыщенностью событиями, сильными эмоциями, но не отсылает к сакральному времени творения, переживание которого позволяет поддерживать и усиливать сегодняшнюю реальность, а является вторичным, регрессивным образованием, осуществляющим функцию бегства от нее.

Таким образом, в массовой культуре, в частности, в литературе, мы наблюдаем усиление мифосозидательной тенденции, что проявляется в эксплуатации ограниченного числа архетипических сюжетов, а также в обращенности к простым эмоциям и инстинктам, которые первичны по

отношению к культуре. Если традиционные мифы и основанные на них произведения культуры призваны поднять человека над животным началом, определить его как собственно человеческое существо, обозначить его место и значение в мире вещей и людей, то сюжеты массовой литературы эксплуатируют примитивные инстинкты – страх перед хаосом, стремление к удовольствию, избежание ответственности. Кроме того, простые образы массовой литературы оказываются более яркими, доходчивыми, чем сложные неоднозначные образы элитарных произведений, они не нуждаются в приложении усилий для их восприятия, их можно потреблять уже готовыми. Содержательное упрощение является следствием приспособления к невысокому интеллектуальному уровню массы, а также компенсаторным ответом на растущую сложность социальной жизни.

Во втором параграфе «Разрушение мифа в литературе постмодерна» рассматривается понятие «элитарная культура», происхождение этого феномена, его отличие от массовой культуры в контексте формированя рациональности постмодерна. Элитарная культура рефлексивна, она отражает сознательные способы организации опыта. Художественное сознание в XX веке ощущает бесструктурность и невыразимость современной реальности, невозможность ее обнять уже имеющимися поэтическими формами. Точно прорисованные персонажи старого романа уже не способны вобрать в себя всю современную психологическую реальность, поэтому смысл поэтического образа остается открытым, включает в себя возможность многих вариантов достраивания читателем, как открытым, необусловленным является смысл многих жизненных явлений, не имеющих в итоге единственного решения. В современной элитарной постмодернистской культуре, основанной на постмодернистской чувствительности, происходит разрушение архетипических структур, демонстрация их иллюзорности, привнесенности в картину мира самим человеком. В качестве предмета для анализа мифоразрушительной тенденции использованы произведения элитарной литературы следующих авторов: Д. Барнс, Дж. Барт, Дж. Фаулз.

В литературе разрушение мифа проявляется в нескольких тенденциях:

1. Создание неструктурированного потока сознания, что можно интерпретировать как утверждение архетипа Хаоса. Архетип Хаоса присутствует в традиционных сюжетах мифов, однако всегда в рамках бинарной оппозиции «Хаос – Космос», где Космос оценивается позитивно, Хаос – негативно, он не имеет собственного онтологического статуса. В современной постмодернистской литературе Хаос приобретает самостоятельное значение. Утверждение архетипа Хаоса связано с разрушением бинарных оппозиций, которые организуют традиционное мышление и восприятие человека. Глобальная оппозиция «Хаос – Космос» имеет множество слоев, отражается в различных аспектах отношений человека с миром, обществом, самим собой, имеет мощную ценностную нагрузку. Использование деконструкции в литературе проявляет себя как децентрация, ведет к преодолению жесткой смысловой однозначности текста, бесконечному порождению новых смыслов. Размывание бинарных оппозиций, дрейф

смысловых и ценностных акцентов создают неопределенность, случайность, непредсказуемость разворачивающейся сюжетной реальности, актуализирует игровое начало языка и соответствующее описание мира.

2. Разрушение архетипических сюжетов происходит через игру, иронию, переворачивание, цитирование, смешение несовместимых атрибутов сюжета. Если модернизм стремился к поиску и воплощению неких завершенных и целостных художественных форм, прорабатывая в рамках классических архетипических ситуаций смыслы современности, то художественная практика постмодернизма не созидает новый мир. Она творит пародию на все предшествующие эпохи, играя кусочками того, что кажется реальностью, склеивая обрывки цитат, перемешивая прошлое и настоящее, не задаваясь вопросом, есть ли точки сопряжения между художественной деятельностью и картиной мира. Однако, не воспроизводя реалий современного мира, литературное произведение постмодерна точно воспроизводит современное ощущение хаоса и непредсказуемости жизни, поддающееся не познанию, а лишь констатации.

3. Демонстрация условности любой структуры также разворачивается через утверждение самостоятельного статуса Хаоса и механизмы деконструкции. Литературные сюжеты показывают, что любой способ организации реальности (Хаоса) является условным, на самом деле этих способов может быть бесконечно много, и ни один из них не может обладать преимуществом перед другими, быть более вероятным, чем, другие. Структура, будучи определенным способом кодирования, «наделяет смыслом что-то такое, что первоначально этим смыслом не обладало, при этом какие-то элементы приобретают ранг означающего»[1]. Мышление в рамках бинарных оппозиций естественно для человека. Человек стремится структурировать реальность, опираясь на бинарные оппозиции, но Хаос, который содержит в себе возможность и способность различения, порождает бинарные коды, не расставляя, однако ценностных акцентов в них, не «центрируя» их. Центрирование в рамках бинарных оппозиций осуществляет уже человек, и внезапное авторское переворачивание акцентов (децентрация) лишает его равновесия и устойчивости. Непрерывное приоткрывание автором новых, неизвестных обстоятельств, новых кусочков реальности разрушает сложившиеся у героя (и читателя) структуры, в результате всю деятельность по структурированию нужно начинать сначала. Непрерывность этого процесса демонстрирует условность, привнесенность структуры в реальность самим героем, который строит ее, исходя из того опыта, который имеет, поскольку сама реальность никакой могущей быть познаваемой структурой не обладает.

4. Построение искусственных структур и демонстрация их искусственности. Здесь мы имеем дело с симуляцией, имитацией, подменой реальности, то есть – построением симулякров. Симулякр – муляж, эрзац действительности, чистая телесность, правдоподобное подобие, пустая форма. Симулякр в массовой культуре подменяет, имитирует существующие архетипические структуры, и мы получаем кич, который, однако, потребителем

[1] У. Эко. Отсутствующая структура. СПб.: 2004. с. 455

массовой культуры воспринимается совершенно серьезно. Ироничное же отношение к симулякру, демонстрация его псевдоприроды характерна для элитарной литературы. Тем самым автор дает понять читателю, что всякая форма может быть искусственно сконструирована, не иметь прообраза (некоей реальности в качестве прообраза).

Таким образом, в культуре постмодерна прослеживается тенденция к разрушению мифа – его архетипических структур через демонстрацию их субъективности, случайности, искусственности, ироническое переиначивание. Интеллектуальная игра, создающая такие тексты, руководствуется рациональностью постмодерна, как общей стилистикой мышления, и согласуется с ее характеристиками: общей ориентацией на восприятие мира как хаоса, относительностью ценностей, плюральностью видения мира и линий поведения в нем. Массовая культура и культура постмодерна представляют собой крайности, свидетельствующие о кризисе культуры, который на психоаналитическом языке можно обозначить как невротический разрыв вследствие нарушения компенсации между коллективным сознанием и бессознательным. И апология Хаоса, и гипертрофия порядка оказываются бесплодными и бессодержательными в своих крайностях, единственная ценность крайностей – в их концептуальности, в том, что они дают возможность отчетливо определить некую культурную или философскую позицию. Таким образом, две тенденции современной культуры, представляющие собой патологический разрыв и критикуемые самыми различными исследователями, несут в себе возможность объединения, и точкой их соприкосновения является непреходящая потребность человека в самоопределении теми средствами, которые отвечали бы вызовам сегодняшнего дня.

В заключении подводятся итоги исследования, среди которых центральным является утверждение, что существующие в современной культуре мифоразрушительная и мифосозидательная тенденция обусловлены появлением нового типа рациональности – рациональности постмодерна, отражающей особенности видения мира в современной культурной ситуации. Перспективным направлением продолжения исследования представляется возможность поиска путей преодоления культурного кризиса за счет синтеза средств массовой и элитарной культуры.

Основные положения диссертации отражены в следующих публикациях:

1. Рациональность постмодерна как фактор формирования мифоразрушительной и мифосозидательной тенденций в современной культуре // Вестник ТГУ. – Томск, 2007, №301. – С. 39-43.
2. Мифоразрушительная тенденция в современной культуре // Культура как способ бытия человека в мире: Материалы III Всероссийской конференции, Томск13-15 декабря 2001г. – Томск: Изд-во НТЛ, 2002. – С. 64-67.

3. Разрушение мифа в культуре постмодерна // HOMO LUDENS как отражение национальной культуры и социального варьирования языка. – СПб.: Идз-во «Осипов», 2006. – С. 247-251.
4. Усиление мифа в массовой культуре современного российского общества// Язык и культура – основа общественной связности. Научная сессия «IX Невские чтения». Материалы международных научно-практических конференций. – СПб: Изд-во «Осипов», 2007. – С. 264-266.
5. Влияние рациональности постмодерна на мифосознание в современной культуре // Дефиниции культуры: Сб. трудов участников Всероссийского семинара молодых ученых. – Томск: Изд-во ТГУ, 2007. – С. 203-209
6. Функционирование мифа в современной культуре: контекст перехода к рациональности постмодерна // Известия ТПУ. – Томск, 2007, № 2, Том 310. – С. 210-214.